

II. Нестроения и смуты в Западнорусской митрополии

Киевский митрополит Сильвестр Коссов скончался в такое время (13 апреля 1657 г.), когда Никон еще занимал Московскую кафедру и управлял Русскою Церковью. Но Никон, хотя назывался патриархом и Малой России и по известному царскому указу в статьях, данных малороссийскому народу, считал Киевскую митрополию под своим благословением, не мог вступаться в ее внутренние дела. Соответственно духу этого указа и происходило избрание нового Киевского митрополита.

В Малороссии избрание для себя архипастыря признавали своим как бы домашним делом и своим неотъемлемым правом, издавна избрание это совершалось там местным духовенством и мирянами в лице их представителей. И потому, как только скончался Сильвестр Коссов, гетман Малороссии Богдан Хмельницкий, во-первых, поручил на время заведовать митрополию Черниговскому епископу Лазарю Барановичу, едва только рукоположенному (8 марта 1657 г.), который оставался тогда единственным архиереем во всей Малороссии, и, во-вторых, послал ко всем прочим епископам Киевской митрополии, Львовскому, Луцкому, Перемышльскому, находившимся с своими паствами под властью польского короля, приглашение приехать в Киев "на обранье митрополита по стародавним правам, как искони вечных лет бывало". А в Москву ни к царю, ни к патриарху не послал даже никакого известия. Чрез несколько дней по смерти Коссова Хмельницкий отправлял к царю грамоту (от 23 апреля) с Федором Коробкою, уведомлял в ней о враждебных замыслах соседних государей и о том, что сам с соизволения всех полковников вручил гетманство сыну своему Юрию, но ни о смерти Киевского митрополита, ни об избрании нового в грамоте вовсе не упомянул. Только посланец Хмельницкого Коробка на словах заявил в Посольском приказе: "Гетман и все войско запорожское от мала до велика желают того, чтобы изволил приехать в Киев великий государь святейший Никон патриарх и там бы митрополита на митрополию, а гетманского сына на гетманство благословил, а они-де его, государеву патриаршему, пришествию рады". Но и в этом заявлении, если допустить, что оно сделано Коробкою не лично от себя, выражается желание, чтобы Никон только благословил на митрополию митрополита, уже избранного, а о каком-либо участии Никона в самом избрании митрополита нет ни слова. Равно и в Москве отнеслись к этому избранию, по-видимому, совершенно безучастно. Правда, если верить словам Никона в оправдательном письме его к Цареградскому патриарху Дионисию, царь много раз говорил Никону, чтобы он хиротонисал в Киев митрополита, но Никон на то не согласился, уважая права Цареградского патриарха. И из Москвы не прислано было ни к гетману, ни к киевскому духовенству относительно выбора митрополита никаких приказаний.

Июля 27-го гетман Богдан Хмельницкий скончался, оставив начатое им весьма важное для всей Малороссии дело избрания Киевского митрополита неоконченным. В начале августа блюститель митрополии Лазарь Баранович явился к царскому воеводе в Киев Бутурлину с товарищи и сказал: епископы Львовский, Луцкий и Перемышльский, которых гетман приглашал в Киев на избрание митрополита, спрашивали польского короля Яна Казимира, ехать ли им в Киев или не ехать, и король позволил ехать, но велел им также, чтобы они подговаривали там гетмана и казаков снова отдаться под королевскую власть. А 4 августа тот же Баранович снова был у Бутурлина и заявил: ныне писал ко мне из Чигирина писарь Иван Выговский, чтобы мы сами выбирали митрополита промеж себя, кого излюбим, а им-де ныне, по смерти гетмановой, до того дела нет. Тогда Бутурлин начал говорить Барановичу и находившимся с ним духовным лицам, чтобы они поискали милости великого государя, показали ему прямую свою правду и были под послушанием и благословением Московского патриарха Никона, чтобы без указа государева по епископов не посылали и без благословения патриарха не избирали митрополита, а написали бы о том и послали к царю и патриарху кого-либо из своего духовного чина. Баранович отвечал, что он милости государя и благословению патриарха рад, но ему нужно подумать о том с архимандритами и игуменами, и, что придумают, он объявит. Через три дня он действительно, посетив Бутурлина, сказал ему, что он, епископ, и архимандриты с игуменами приговорили быть всем нам под послушанием и паствою Московского патриарха Никона, но что теперь они едут в Чигирин на погребение гетмана, а как возвратятся, то, договорясь между собою, пошлют из среды своей нарочного к государю. Достигнув такого ответа со стороны духовенства, воевода Бутурлин написал 12 августа к писарю Ивану Выговскому: "Нам сделалось известно, что по гетманскому письму в Киев едут для избрания митрополита епископы Перемышльский, Львовский и Луцкий, но о приезде их просил ли покойный гетман указа у великого государя? Если государева указа нет об избрании митрополита, то ты уведомил бы тех епископов, чтобы они сами писали о том к царю и патриарху Никону, а без государева указа и патриаршего благословения в Киев не ездили и митрополита не избирали". Выговский отвечал воеводе 23 августа, т. е. в самый день погребения Хмельницкого: "Славной памяти гетман писал к тем епископам, чтобы они приезжали для выбора митрополита по давним правам, как прежде искони бывало, о чем к царскому величеству еще не писал. Но по отправлении погребения мы тотчас будем держать совет и, что положено будет на совете, чрез послов наших известим его царское величество. Для епископов же ныне довольно и того, что права и давний обычай повелевают им приезжать по гетманскому письму на избрание митрополита, чтобы в духовном чине без пастыря не умножилось своеволия и беспорядка. А когда те епископы приедут на избрание митрополита, на которое посланы будут особы и от войска, то, думаю, о новоизбранном напишут и его царскому величеству". Этот ответ Выговского в подлиннике вместе с своими известиями об ответе киевского духовенства Бутурлин отправил к государю. В то же время находился в Чигирине по указу государеву стольник Василий Кикин, и он в своем статейном списке записал: "В 26-й день августа приходили к нему, стольнику, от

Черниговского епископа архимандрит Овручского монастыря да игумен Киево-Михайловского Златоверхого монастыря и говорили, что епископ и все духовенство желают избрать митрополитом в Киев печерского архимандрита Иннокентия Гизеля, а о поставлении его в митрополита послать челобитную к царю государю и к патриарху Никону, но только не знаем, как похотят войском, изберут ли его, печерского архимандрита, или кого иного. Об этом у нас, духовных, скоро будет рада с гетманом и с начальными людьми". Гетманом здесь назван Выговский, который в этот самый день, 26 августа, избран был в гетманы впредь до возмужалости Юрия Хмельницкого, и в этот же день, принимая у себя сотника Кикина, также говорил ему, между прочим: "Будет у него, гетмана, в Киеве со всем народом и духовенством рада и избрание митрополита, и кого изберет Дух Святой и Церковь на Киевскую митрополию, мы о том известим царское величество немедленно". Все - обещания и обещания, но гетман обещал лишь известить государя о новоизбранном митрополите, а духовенство обещало не только известить о том государя, но и просить Никона о поставлении новоизбранного митрополита и потом быть под послушанием и паствою Московского патриарха.

Избрание митрополита последовало, однако ж, нескоро. Новый гетман поручил блюстителю митрополии Барановичу назначить для того удобное время и пригласить коронных епископов отнюдь не позже 1 октября. Это именно число Баранович и назначил последним сроком для съезда избирателей и приглашал в Киев к этому числу самого гетмана. Но съезд не состоялся. Действительная попытка к выбору митрополита произошла 18 октября, кажется, случайно. Гетман прибыл в Киев 13 октября собственно на погребение своей сестры, бывшей за полковником Павлом Тетерею, вместе с отцом своим и братьями, с несколькими полковниками и многими начальными людьми. Октября 17-го гетман приехал в Братский монастырь, куда епископ Лазарь Баранович пригласил на акафист и царских воевод. После акафиста отслужил он обедню и молебен, потом прочел молитвы над гетманскою булавою, саблею и бунчуком, которые пожалованы были царем Алексеем Михайловичем гетману Хмельницкому, окропил их святою водою, подал новому гетману и сказал ему речь, чтобы он служил верою и правдою великому государю. А на следующий день гетман пришел со всею своею свитою в Софийский собор для избрания митрополита. Приглашаемы были туда и царские воеводы, но они не осмелились ехать, не имея государева указа. Из духовных лиц тут были, по свидетельству воевод, епископ Лазарь Баранович, архимандриты: виленский Иосиф Тукальский и черниговский Иосиф Мещеринов (родственник гетмана Выговского), недавно прибывший из Львова и поставленный архимандритом, да заместники епископов Львовского и Перемышльского. А киевских архимандритов и игуменов, начиная с печерского архимандрита Иннокентия Гизеля, которых всего удобнее можно было пригласить, не было. Что бы это значило? Киевское духовенство, как мы видели, еще прежде заявило царским воеводам, что оно желало бы избрать на митрополию Иннокентия Гизеля, потом просить о рукоположении его Московским патриархом и состоять под властью последнего. Это желание, которого духовенство, вероятно, не скрывало и от других, вовсе не соответствовало намерениям Выговского. Он, едва сделался

гетманом, начал замышлять, как бы удобнее изменить Москве и со всею Малороссиею вновь отдаться Польше, и для его цели было весьма важно, чтобы на Киевскую кафедру избран был не кто-либо из преданных Москве и желающих единения с нею, а человек, преданный Польше, который мог бы содействовать ему в его намерениях своим духовным влиянием на народ, т. е. кто-либо из духовных лиц, подданных польского короля. И вот для избрания митрополита не были приглашены главные представители киевского духовенства, и кандидатами на митрополию избирались все из коронного духовенства. Через три дня (21 октября) сам гетман сказывал киевским воеводам: "Мы выбирали на Киевскую митрополию Луцкого епископа Балабана или виленского архимандрита Иосифа Тукальского, а иные - Львовского епископа Арсения Желиборского, но ни на ком окончательно не остановились и отложили выборы до Николина дня осеннего (6 декабря)". Об этом известил Баранович епископа Львовского Желиборского и, называя его "первым сыном Церкви", разумеется Киевской, как старейшего епископа Киевской митрополии, усердно просил его прибыть в Киев к назначенному времени, а также известил, конечно, и прочих епископов и вообще духовенство. Теперь действительно съезд избирателей состоялся. Луцкий епископ Дионисий Балабан, как писали в Москву киевские воеводы (от 3 декабря), приехал в Киев еще 1 декабря и, "не обослався" с ними, остановился в Софийском монастыре, а два другие епископа, Львовский Арсений Желиборский и Перемышльский Антоний Винницкий, вскоре ожидалось. Воеводы, не зная, как им поступить в настоящем случае и выговаривать ли тем епископам, что они без государева указа и без благословения Московского патриарха избирают митрополита, просили государя прислать им свой указ. Но указ к 6 декабря и не мог поспеть, и, без сомнения, не был прислан. Сколько собралось духовенства и мирских людей на выборы митрополита, был ли в собрании сам гетман и как происходило избрание, неизвестно. Известно только, что избран был один из тех кандидатов, которые намечены были еще 18 октября в присутствии гетмана Выговского, именно Дионисий Балабан, а не тот кандидат, которого желало киевское духовенство, что Дионисий Балабан давал тогда киевскому и всему малороссийскому духовенству обещание "великому государю яко природному своему царю всякого добра хотеть" и что вскоре затем Дионисий принял от Лазаря Барановича управление митрополией и поселился в киево-софийском митрополичьем доме. Таким образом, акт избрания Киевского митрополита совершился без всякого участия московского правительства, несмотря на все радение царских воевод в Киеве, может быть действовавших только от себя лично.

Оставался впереди еще акт поставления новоизбранного митрополита, и опять началось такое же радение. В Путивле был тогда воеводою известный нам своей приверженностью к патриарху Никону боярин Никита Алексеевич Зюзин. Он находился в дружеских сношениях с Выговским, вел с ним переписку и в январе 1658 г., между прочим, написал гетману, чтобы избранный на Киевскую митрополию Дионисий Балабан не слал за посвящением к Константинопольскому патриарху, а поехал бы гетман в Москву к патриарху Никону и сам изустно говорил ему о том. Выговский от 25 января отвечал

Зюзину: "По письму твоему братскому пишу к новоизбранному митрополиту, чтобы он не слал за благословением к Константинопольскому патриарху до тех пор, пока Московский патриарх Никон не сошлется о том с Константинопольским". Разумеется, Выговский обманывал своего мнимого друга, как обманывал тогда и все московское правительство, между тем как Зюзин по каким-то доносам и, всего вероятнее, за свои дружеские отношения к Выговскому вскоре лишился своего места и подвергся царской опале, сколько ни ходатайствовал за него Выговский пред царем и Никоном. В том же январе прибыл из Москвы в Малороссию по просьбе войска запорожского полномочный посол, окольникий Богдан Матвеевич Хитрово, чтобы от имени государя торжественно утвердить Выговского в сане гетмана и принять от него присягу. В первой половине февраля собралась в Переяславе генеральная рада, и на нее съехалось множество духовенства с новоизбранным митрополитом во главе, который и приводил гетмана к присяге. Хитрово, хотя вовсе не ожидавший встретить здесь нового митрополита, отнесся к нему с должным вниманием и, раздавая гетману и другим особам, светским и духовным, царские подарки соболями, поднес и Дионисию Балабану сорок соболей во сто рублей - ту самую часть, которая в Москве назначена была блюстителю митрополии епископу Лазарю Барановичу, естественно теперь не прибывшему на раду. Но наедине Хитрово заметил Дионисию, что "он, когда был избран на Киевскую митрополию, не присылал бить челом великому государю и просить благословения у патриарха Никона". На это Дионисий отвечал окольникему Хитрово: "От начала св. Крещения Киевские митрополиты один по другому принимали благословение от святейших патриархов Константинопольских, и он, Дионисий, без повеления и благословения Константинопольского патриарха не смеет принять благословение и поставиться на Киевскую митрополию от святейшего Никона патриарха". Так объяснилось, что и поставление вновь избранного Киевского митрополита совершится без всякого участия московского правительства, гражданского и духовного, и это поставление действительно будто бы совершилось вскоре за тем, 28 февраля, разумеется, с благословения Царградского патриарха. Одного только вправе был требовать царский посол от Дионисия Балабана, чтобы он как архипастырь Киева, находящегося под властью Москвы, вполне был верен московскому государю, и Дионисий пред Хитрово "с клятвою обещался быть под великого государя рукою и всякого добра ему хотеть и на то самого Выговского под клятвою утверждал, чтобы великому государю верно служил". Но в том же феврале месяце посланник польского короля Беневский, бывший у гетмана Выговского, доносил своему государю: "От Киевского митрополита, т. е. отца Балабана, который из Луцка поступил на Киевскую митрополию, имею послание, полное надежды. Этот человек, поступив на митрополию, может принести величайшую пользу, и я надеюсь, что он будет полезен отечеству. Я убедил его занять это место, а без того он не хотел и отказывался. Я видел, что он, сделавшись митрополитом в Киеве, может содействовать нам свободнее. Вообще, он обещает в письме своем самое скорое исполнение надежды на присоединение Малороссии к Польше". Балабан, значит, думал служить двум господам: по

видимости - московскому государю, а искренне - польскому королю и вместе гетману Выговскому.

Случай к тому скоро представился. Во главе недовольных избранием Выговского в гетманы находился полтавский полковник Мартын Пушкарь. Он утверждал, что Выговский избран меньшинством, только людьми, к нему близкими и преданными, а не всюю запорожскою чернью, не хотел ему повиноваться, доносил на него боярам и в Москву, что он сносится с крымцами и ляхами и замышляет измену. Не поехал Пушкарь и на переяславскую генеральную раду, хотя там его ожидали. Все усилия Выговского помириться с ним, подчинить его себе были напрасны. В Москве тогда еще не верили измене Выговского и также выразили желание, чтобы Пушкарь смирился, не затевал смуты. И вот новый Киевский митрополит вскоре после переяславской рады послал к Пушкарю свою грамоту с нежинским протопопом Максимом Филимоновым, в которой, извещая, что возложил на переяславской раде с согласия всего запорожского войска свое архипастырское благословение на Выговского как на гетмана в присутствии царского посла Хитрово, убеждал Пушкаря признать этого нового гетмана, покориться ему и не чинить бунтов, иначе угрожал своим "неблагословением" Пушкарю и всему его полтавскому полку. Пушкарь в своей ответной грамоте благодарил митрополита за присланное известие, усердно просил его святительского благословения себе, и своему полку, и всему запорожскому войску, но объявлял, что бунтов он никаких не чинит, а верно служит его царскому величеству и что тогда только покорится Выговскому, если он на новой генеральной раде избран будет в гетманы всюю запорожскою чернью и войском. "А неблагословение ваше пастырское, - писал полковник, - налагайте, Ваша святительская милость, на кого-нибудь иного, кто неверных царей принимает, а мы одного православного царя за царя имеем... налагайте на тех, которые его царскому величеству и всему войску запорожскому не добре чинят" (намек на Выговского). Митрополит Дионисий в настоящем случае хотел послужить главным образом Выговскому, хотя это согласовалось и с желанием московского правительства, но не достиг никакого успеха. После того Выговский решился позвать к себе на помощь крымскую орду, чтобы вместе с нею поразить Пушкаря со всеми его единомышленниками, и начал ссылаться с поляками. Все в Малороссии испугались последствий от нашествия орды. В двадцатых числах мая киевские воеводы писали к государю: "Нам говорят беспрестанно Киевский митрополит Дионисий Балабан, и архимандриты, и игумены, и все духовенство, и мещане, и всяких чинов киевские и иных черкасских городов приезжие люди, что гетман призвал к себе крымцев и с ними соединился, а с поляками непрестанно ссылается, а твоих государевых бояр, и воевод, и ратных людей в черкасских городах и на Украине нет... почему и просят нас со слезами отписать тебе, великому государю, чтобы ты для защищения их и св. церквей вскоре прислал в украинские города ратных людей". Митрополит, как живший в Киеве, не мог, конечно, отделиться в этом случае от всех прочих жителей Киева и вопреки им говорить что-либо в защиту Выговского, не просить вместе со всеми о присылке против него ратных людей из Москвы. Этого мало: в июне, когда государь прислал в Киев новых воевод, боярина Василия Борисовича Шереметева и князя

Юрия Никитича Бярятинского, с ратными людьми митрополит Дионисий выезжал встретить их (17-го числа) за пять верст от города и сказывал им, что гетман Выговский с неделю уже в Чигирине, но отпустил ли татар или не отпустил, того не знает. Кажется, и в Москве считали Дионисия человеком верным и благонадежным: бывший царским послом в Переяславе на недавней раде окольный Хитрово по приказанию самого государя написал от 30 июня к митрополиту Дионисию лист о государевых делах и поручил киевскому воеводе Шереметеву передать тот лист Дионисию секретно, хотя за отъездом его из Киева в деревню Шереметев не мог исполнить поручения. А между тем посланник польского короля Беневский, которого называли другом Выговского, недаром писал в том же июне в Варшаву: "Прошу предоставить место подсудка владимирского Адаму Белостоцкому, шурина отца митрополита Киевского". Управившись в июне месяце с своим домашним врагом, полковником Пушкарем, разбив его сторонников, причем сам Пушкарь погиб, Выговский смелее и смелее приступал к осуществлению своих замыслов изменить Москве и передаться Польше, а чрез несколько времени перестал двоедушничать и митрополит Дионисий и перешел на сторону гетмана. Киевские воеводы от 12 июля извещали государя, что гетман Выговский разослал универсал ко всем полковникам и велел им со всеми полками собираться к нему в Чигирин, что он послал звать к себе и крымского хана с татарами, что от такого сбора войск сами полковники не чают добра, и далее писали в своем донесении: "А митрополит Киевский, не сказався там, поехал в Чигирин к гетману Ивану Выговскому. Когда он поехал из Киева и мы, проведав, посылали спрашивать людей его, то люди его сказали, что он поехал в деревню. Но в деревне он был немного и ныне в Чигирине, а сказывают, будто поехал для рады". Странное совпадение! В том же самом месяце 1658 г. и даже почти в те же самые числа, когда Московский патриарх Никон самовольно оставил свою кафедру и удалился из Москвы, и Киевский митрополит Дионисий Балабан самовольно оставил свою кафедру и удалился из Киева, прожив в нем всего около полугода, и уже никогда более в него не возвращался.

С половины августа войска Выговского, соединившиеся с поляками и крымскими татарами, осаждали Киев, но безуспешно. В конце августа Выговский в обозе под Гадячом вступил в переговоры с польскими комиссарами - Беневским и Яблоновским и 8 сентября заключил с ними от имени всего запорожского войска договор, статьи которого, насколько он касался православной Церкви и духовенства, были следующие: а) митрополит Киевский будет иметь место в сенате после архиепископа Львовского; б) владыки Львовский, Луцкий, Перемышльский и Холмский будут иметь места там же после епископов своих поветов; в) имения православных, как мирских людей, так и монастырские, отданные Римскому Костелу, будут возвращены; г) мещане православной веры будут пользоваться правами и вольностями наравне с мещанами римской веры; д) крепости на церковные вотчины будут при митрополитах и владыках, а после смерти митрополита или владыки король будет утверждать на владычество одного из четырех избранных кандидатов; е) два училища, одно в Киеве, другое в княжестве Литовском, где сами себе укрепят, равно и учителя, будут дозволены православным; ж) еретики всякого

рода отнюдь не будут допускаться в те училища, а только католики и греки; з) школам, противным (православному) училищу, в Киеве не быть; и) библиотеки и печатни дозволяются везде, но только в касающемся веры будут оберегаемы, чтобы кто не внес чего-либо противного. Во всех этих статьях Гадяцкого договора, как они изложены в окончательной его редакции, утвержденной 8 сентября, повторялись поляками все те же обещания, какие не раз даваемы были православным и прежде, но некоторые обещания, например относительно заведения училищ православными, повторялись теперь гораздо скромнее, чем выражены были в известных "Статьях" короля Владислава IV. А об унии, об ее уничтожении, чего так сильно добивались прежде православные, особенно при Хмельницком, при заключении Зборовского договора, в окончательной редакции Гадяцкого договора вовсе не упоминалось. В этой редакции значительно поубавлено даже то, что предлагалось православным в предварительной редакции того же самого договора, составленной 6 сентября. Здесь, хотя не прямо, говорилось и об униатах как о людях, которых "вера противна вере греческой православной и умножает несогласие между римским и старогреческим народом", и им запрещалось основывать свои церкви и монастыри и умножать имения своих духовных; здесь предоставлялось православным иметь две Академии, одну в Киеве, другую в Литве, со всеми правами и привилегиями Академии Краковской, а коллегии и училища заводить везде, где будет нужно. Очевидно, что при утверждении Гадяцкого договора в его окончательной редакции не поляки делали уступки православным, а гетман Выговский с своими клевретами сделал уступки полякам. При заключении Гадяцкого договора с польскими комиссарами "от всего войска запорожского послы королевскому величеству присягали, и гетман Выговский, и вся их войсковая старшина, и духовные станы своими руками подписали на том, что всей Украине обопольных народов Днепра и всему войску запорожскому опричь королевского величества ни у которого великого христианского государя в подданстве не быть". Значит, не один митрополит, а за ним и другие духовные лица перешли тогда на сторону Выговского и подписали Гадяцкий договор. Но среди малороссийского духовенства даже самые значительные особы оставались верными московскому государю. Например, в ноябре киевские воеводы писали ему: "Печерский архимандрит Иннокентий Гизель тебе, великому государю, служит верно и гетману и полковникам говорит, не боясь от них ничего". В следующем году еще яснее обнаружилось, что на сторону Выговского перешли высшие лица собственно коронного духовенства, а не малороссийского, за исключением одного черниговского архимандрита Мещеринова, родственника Выговскому. Нежинский протопоп Максим Филимонов, отличавшийся особою преданностью московскому правительству, в письме своем от 25 мая 1659 г. к боярину князю Алексею Никитичу Трубецкому, командовавшему московскими войсками в Малороссии, между прочим, извещал его: "Митрополит Киевский и все владыки и архимандриты, как Тукальский, Василевич, игумен (слуцкий), и протопопы некоторые до Варшавы к королю на сейм поехали, на нечестивое сборище. Только отец Гизель, игумен межигорский отец Варнава и отец Клементий Старушич, игумен выдубицкий, непоколебимо стоят, а отец Баранович (епископ Черниговский),

також в Печерском монастыре немощен. Уже отцу митрополиту король обещал дать архимандрию печерскую. Там же и Мещерин у короля". Но едва прошел год со времени заключения Гадяцкого договора, как затея Выговского окончилась: казаки бросили его, собрались вокруг молодого Юрия Хмельницкого и объявили (в начале сентября 1659 г.), что желают служить московскому государю. И Гадяцкий договор, внесенный поляками в сеймовую конституцию и утвержденный клятвою самого короля, потерял все свое значение.

С 5 сентября боярин князь Алексей Никитич Трубецкой двинулся из Путивля с московскими войсками в черкасские города. Везде его встречали с торжеством, везде давали присягу на подданство московскому царю. К 27 сентября Трубецкой был уже в Переяславе, и туда явились к нему в первых числах октября от Юрия Хмельницкого и от всего войска запорожского прилуцкий полковник Петр Дорошенко и сотники из всех полков и представили четырнадцать статей, на которых они желали быть принятыми в подданство государем. В одной из этих статей говорилось, чтобы митрополиту Киевскому с епископами и со всем духовенством оставаться по-прежнему под властью и послушанием только Цареградского патриарха. Октября 17-го открылась в Переяславе новая рада, на которой единогласно избран в гетманы и утвержден в сане Юрий Хмельницкий, потом были прочитаны и приняты гетманом и всем войском те самые статьи, какие даны были государем еще в 1654 г. Богдану Хмельницкому и в которых относительно Киевского митрополита было сказано: "Митрополиту Киевскому, также и иным духовным Малой России быть под благословением святейшего патриарха Московского и всея Великия, и Малыя, и Белья России, а в права духовные святейший патриарх вступати не будет". Новые же четырнадцать статей, которые пред тем представлены были полковником Дорошенко с товарищи, "на раде отговорены, что тем статьям не быть". По установлении прежних отношений Киевской митрополии к Московскому патриарху надлежало озаботиться, чтобы кафедра этой митрополии не оставалась праздною, ибо митрополит Дионисий Балабан, чувствовавший себя виновным пред московским правительством, не хотел возвратиться в Киев, а проживал в Слуцком монастыре, где настоятельствовал известный архимандрит Феодосии Василевич, бывший наместником митрополитской епархии в Литве. И потому князь Трубецкой тогда же из Переяслава послал грамоту епископу Лазарю Барановичу: "Быть ему блюстителем Киевской митрополии до указа его царского величества". В начале следующего 1660 г. Лазарь Баранович бил челом великому государю, чтобы "пожаловал его велел ему на епископию Черниговскую и Новгородскую дать подтвержденную грамоту, почему ему впредь на епископии быть". Этим челобитьем Баранович ясно выразил пред государем, к его великому удовольствию, что признает над собою его власть и покоряется ему и в церковном отношении. И государь, пожаловав епископа Лазаря просимую грамотою (28 февраля), говорил в ней: "Быть ему на епископии Черниговской и Новгородской по-прежнему и доходы всякими, которыми прежде владел, и ныне владети во всем, и за нас, великого государя, Бога молить, и всякого добра нам хотеть, и во всем наше повеленье исполнять, а мы учнем его держать в

нашем государском милостивном жалованье и в призьенье". Прошло около пяти месяцев, как блюстителство митрополии поручено было Лазарю Барановичу, и новый гетман попытался пригласить митрополита Дионисия на его митрополичью кафедру письмом от 13 марта 1660 г. "Мы, - писал Юрий Хмельницкий, - вырвавшись один раз из-под польского ига и начавши служить царскому величеству, не мыслим никогда изменять ему и не отстанем от него, как от православного монарха и нашего государя. Если мы рассмотрим дело основательно, то убедимся, что он более, чем кто-либо другой, есть наш природный государь... Потому мы сердечно желаем, чтобы твое преосвященство, имея твердую надежду на неизреченное милосердие его царского величества и не веря басням людским, поспешил в осиротелую митрополию. А что касается содержания соборного духовенства, то, если имения монастыря (Софийского) окажутся недостаточными, мы постараемся, чтобы по ходатайству нашему его царское величество по премному своему милосердию пожаловал духовенство не только имениями, но и особым своим жалованьем, которого удостоились и другие монастыри. Уверяя в этом, преклоняю свою голову под руку твоего преосвященства". Дионисий прислал гетману из Слуцка ответные письма чрез одного своего чернеца, но содержание их неизвестно, только в Киев митрополит не возвратился. Прошло еще более трех месяцев, и малороссийское духовенство, не имея более надежды на возвращение Дионисия, решилось ходатайствовать об избрании себе нового митрополита. Игумен Трехтемировского монастыря Иоасаф, прибыв в Москву, объявил 20 июня в Посольском приказе: "Прислали меня Черниговский епископ Лазарь Баранович, и печерский архимандрит Гизель, и все духовенство бить челом великому государю, что как их малороссийский народ ныне без пастыря, то великий государь пожаловал бы и велел им в Малой России избрать духовным чином митрополита, ибо без пастыря в Малой России быть им невозможно. А кого духовным чином изберут и от кого ему быть рукоположенным, от Московского ли патриарха или от Цареградского, о том как великий государь укажет". Очевидно, что малороссийское духовенство в лице своих представителей, как и прежде выражало, готово было покориться воле государя и признать над собою власть Московского патриарха. Но государю теперь было не до церковных дел. В Литве и Белоруссии войска его вели не совсем удачную борьбу с поляками, и не далее как 18 июня русская пехота потерпела там совершенное поражение и сам воевода, князь Щербатый, попался в плен. А на юге было еще хуже. В августе киевский воевода Шереметев и гетман Хмельницкий двинулись с войсками против поляков и крымских татар, в продолжение сентября потерпели от них несколько, впрочем незначительных, поражений; 8 октября Хмельницкий изменил царю и перешел с своими казаками в стан польский, а чрез несколько дней (23 октября) Шереметев принужден был выдать врагам все московское войско и обязался очистить малороссийские города: Киев, Переяслав, Нежин, Чернигов. Это поразило Москву, и удовлетворение ходатайству малороссийского духовенства о новом для него архипастыре государь по необходимости должен был отложить до более благоприятного времени.

Если малороссийское духовенство показывало московскому государю такую покорность и преданность, то одним из главных побуждений к этому были, без сомнения, царские милости, которые оно на себе испытывало. Из малороссийских монастырей то и дело приходили в Москву старцы за милостынею, и царь никому не отказывал. В апреле 1657 г. он послал в Креховский монастырь Львовского повета пятьдесят рублей и в киевский Межигорский сто рублей чрез старца Иоакима Савелова, бывшего впоследствии патриархом; в мае 1658 г. пожаловал полтавскому Воздвиженскому монастырю восемьдесят рублей, а лубенскому Мгарскому монастырю пожаловал подтвердительную грамоту на все владения, какие даны были ему русскими великими князьями, гетманом Богданом Хмельницким и князьями Вишневецкими. В этом же году приезжали в Москву из Киево-Печерского монастыря на основании прежде пожалованной ему грамоты наместник Авксентий Острицкий и Больничного монастыря игумен Сильвестр с просьбою о милостыне для своей обители. И царь наделил их и деньгами, и книгами печатными, и церковною утварью. Кроме того, они привезли от своего архимандрита Иннокентия Гизеля и всей братии челобитную государю, чтобы он утвердил за Киевскою лаврою все ее владения, и представили все подлинные грамоты и документы на эти владения, данные прежними русскими князьями и польскими королями. И царь пожаловал Киево-Печерскому монастырю грамоту от 31 августа 1658 г., которою утвердил за ним все его вотчины, а также принадлежавшие ему монастыри в Новгороде Северском и Чернигове со всеми крестьянами, землями и угодьями, город Василев со всеми людьми, землями и угодьями и четыре села близ Могилева: Печерск, Цверково, Тарасовичи и Барсуки со всеми доходами. В 1659 г. по просьбе игумена Киево-братского монастыря и ректора училища Иоанникия Голятовского с братиею царь пожаловал их грамотою (от 31 декабря) на место Саворова и село Мухоеды со всеми принадлежностями, а в 1660 г. пожаловал также грамоту от 15 августа каневскому Успенскому монастырю на местечки Бубновно и Межиричку с их селами, мельницами, озерами и всеми угодьями.

Когда страшное впечатление, произведенное изменою гетмана Юрия Хмельницкого и потерею целого войска, мало-помалу изгладилось в Москве и когда сделалось ясным, что ей изменили вместе с Хмельницким собственно казаки правой, или западной, стороны Днепра, а на левой, восточной, стороне казаки и население остаются верными, тогда царь нашел возможным обратить внимание и на церковные дела в Малороссии и позаботиться об удовлетворении последней просьбы малороссийского духовенства. Но как удовлетворить? Дозволить ему избрать себе нового митрополита, о чем оно ходатайствовало? Но митрополит Дионисий Балабан был еще жив и свободно управлял епархиями Киевской митрополии, находившимися во владениях Польши. Дать для Малороссии особого митрополита? Но это значило бы разделить Киевскую митрополию на две и допустить явное нарушение прав Константинопольского патриарха. Оставалось только назначить временного блюстителя, или администратора, Киевской митрополии в той части ее, которая находилась в Малороссии под властью московского государя. Но такой блюститель уже был, именно Черниговский епископ Лазарь Баранович. В верности Барановича едва

ли сомневалось московское правительство: он достаточно доказал ее. Но по тогдашним обстоятельствам Малороссии оно могло находить его не вполне соответствующим своим намерениям. В Малороссии, по левой стороне Днепра, не было тогда гетмана, а были три искателя гетманства: полковник и наказный гетман Самко, полковник Золотаренко и запорожский кошевой Брюховецкий. Они враждовали между собою, спорили, доносили друг на друга в Москву, производили смуты между казаками, волновали население. Получать достоверные сведения о положении этой страны, заправлять делами ее для ее же блага и в своих собственных видах московское правительство не могло чрез одних своих воевод, приходивших туда из Москвы и вовсе не знавших местного края. И вот оно остановилось на мысли иметь в лице церковного администратора в Киеве и политического деятеля человека, который бы не только вполне был верен московскому государю, но близко был знаком с духом и характером малороссийского народа, с тогдашним настроением его мыслей и желаний, со взаимными отношениями тогдашних главных лиц и партий между казаками и всем этим мог служить московскому правительству и благотворно содействовать ему в управлении краем. Таким человеком признали в Москве нежинского протопопа Максима Филимонова. Он обратил на себя внимание московских властей еще в 1654 г., когда Малороссия и Белоруссия присоединялись к Великой России, своими речами, из которых одну он сказал (23 января) царским послан при въезде их в город Нежин для приведения жителей к присяге, а другую произнес (27 сентября) пред самим государем под Смоленском, где находился вместе с казацкими полками в походе. В обеих речах и особенно в последней он показал своими и образование, а еще более свою приверженность к православной России. С того времени он всячески старался, насколько мог, способствовать утверждению московской власти в Малорусском крае, писал в Москву к окольному Федору Михайловичу Ртищеву, к царским воеводам в Киеве и Путивле, сообщал им известия о настроении умов в Малороссии, о движениях крымских татар, о воинских действиях поляков и сношениях их с шведами, о замыслах и происках гетмана Выговского, давал советы скорее поставить в малорусских городах московских воевод и подобное. Царь, которому передавались все эти известия, видел и ценил усердие нежинского протопопа, щедро награждал его, видел вместе его близкое знакомство с краем, его способность к занятиям политическими делами, его находчивость и умение заправлять ими. В этом отношении он казался гораздо выше и надежнее епископа Лазаря Барановича. Последний был человек весьма ученый и благочестивый, но всю свою жизнь провел в стенах училищ и в управлении разными монастырями, а с мирскою общественною жизнью в крае мало был знаком практически и не обнаруживал никакой склонности следить за течением гражданских и политических дел. Неудивительно, если вместо Лазаря Барановича блюстителем Киевской митрополии правительство пожелало видеть нежинского протопопа Максима. Нужно было возвести его в сан епископа. Но на какую епархию? Чего требовали каноны? В Малороссии были только две архиерейские кафедры - Киевская и Черниговская, и обе были заняты. Вспомнили, что если не в Малороссии, то в присоединенной Белоруссии есть еще одна епископия Киевской митрополии, доселе остававшаяся без

архипастыря, - Мстиславская, туда и назначили нового епископа, чтобы по крайней мере по имени этой епархии ему называться Мстиславским, хотя в действительности он никогда впоследствии там не бывал и не управлял своею паствою. И вот 4 мая 1661 г. нежинский протопоп Максим, названный в монашестве Мефодием, поставлен в Москве во епископа Мстиславского и Оршанского рукоположением блюстителя патриаршего престола Питирима, митрополита Сарского и Подонского, и других архиереев по соизволению царя, благословению всего освященного Собора и совету царского синклита. Далее мы увидим, как объяснял сам государь в грамоте к Цареградскому патриарху этот поступок своего правительства.

Новый блюститель Киевской митрополии прибыл в Киев и в половине июля вступил в управление митрополией, приняв (16 июля) от прежнего блюстителя, епископа Лазаря, все имущество святой Софии, церковное и монастырское, принадлежавшее митрополитскому дому. А от 2 августа Лазарь Баранович писал к государю уже из своей епархии: "Доселе по силе моей я исправлял блюстительство Киевской митрополии и никогда не сопротивлялся воле Вашего царского величества, исполнил ее и теперь: боголюбивого епископа Мстиславского и Оршанского господина отца Мефодия Филимоновича, истинного богомольца Вашего величества, я честно почтил и принял со всем духовным Собором как брата и сослужителя своего и посадил на престол митрополии Киевской блюстителем, отдав ему в целости все имущество, церковное и монастырское, а сам по указу Вашего величества возвратился на свою епископию... Только не имея в Чернигове, где и главу приклонить, я отъехал в новгородский (т. е. в новгород-северский) монастырь Всемиловитового Спаса, где немного устроил и строю при помощи Божией и жалованьи вашего величества; богатую же милостыню, какую я имел от Вашего величества в св. Софии (где, следовательно, и жил), я всю издержал на прокормление братии по великому оскудению монастыря. Хотелось бы мне воздвигнуть престол моей епископии в Чернигове, в церкви св. страстотерпцев, русских князей Бориса и Глеба, и потому, посылая к Вашему величеству наместника моего Гавриила Олешкевича с иеромонахом Иосифом, прошу царской милостыни, чтобы разоренная моя Черниговская епископия могла под державою Вашего величества и Вашею богатою милостынею прийти в прежнее свое благолепие и узреть прежнюю свою красоту". Посланные Барановичем в Москву иеромонахи подали от его имени 27 августа челобитную в Посольском приказе и в ней просили, чтобы государь пожаловал милостыню на покупку в Чернигове дворового места для епископа, которое продавалось за тысячу золотых польских, и на строение церкви святых мучеников Бориса и Глеба, пожаловал для той церкви книги, ризы, сосуды, паникадила и прочие церковные вещи, также икону святых страстотерпцев Бориса и Глеба и другие иконы, пожаловал, наконец, для епископа грамоту, по которой бы он в случаях нужды мог найти себе приют в Путивле, или Севске, или в Брянске, а если можно, и в самой Москве. Государь приказал удовлетворить всем этим просьбам Барановича, а в Путивль послать к воеводе грамоту, чтобы он, если приедет епископ Баранович, дал ему двор и государя о том известил, - лучшее свидетельство, что Баранович

не находился в немилости у государя, хотя и оставил по его воле место блюстителя Киевской митрополии.

Отпуская своего избранника, епископа Мефодия, в Киев, царь приказал отпустить с ним значительную сумму денег: на содержание его шесть тысяч сто рублей и соболями на четыреста десять рублей; на ямское строение в Нежине четыре тысячи рублей; на жалованье ратным людям черкасских городов десять тысяч рублей, полковникам - нежинскому Золотаренке, переяславскому, бывшему и наказным гетманом, Самко и черниговскому Силичу по сто рублей соболями, да на раздачу разным чинам соболями семьдесят рублей. Разумеется, первое впечатление, какое произвел Мефодий в Малороссии раздачей царских милостей, было в его пользу. Затем он стал лицом к лицу с тремя искателями гетманского достоинства, из которых каждый старался привлечь его как царского уполномоченного на свою сторону, выхвалял свою службу пред государем, называя двух других изменниками, и все говорили о необходимости созвать раду и избрать совершенного гетмана. Мефодий сначала думал отклонить все эти искательства. Он написал в первых числах августа к гетману Юрию Хмельницкому и убеждал его раскаяться и возвратиться с своими казаками под высокую руку московского государя, рассчитывая, что в таком случае порядок в Малороссии восстановится и не нужно будет избирать нового гетмана, но не получил никакого ответа, а узнал спустя около двух месяцев, что Хмельницкий собирается сделать нападение на Нежин и Чернигов. Тогда Мефодий начал, по-видимому, склоняться на сторону наказного гетмана Самки, уверял его, что в Москве знают и ценят его службу, и после совещаний с ним и другими полковниками согласился в марте 1662 г. отправить к царю ходатайство, чтобы он прислал кого-либо из своих для избрания совершенного гетмана. Между тем еще прежде, нежели из Москвы получен был указ, Самко созвал в Козельце раду. На ней присутствовали только полковники, атаманы и есаулы левой стороны Днепра без всякого участия черни и избрали Самко в гетманы. Присутствовал также и епископ Мефодий и 16 апреля привел новоизбранного гетмана к присяге на верность государю. Но тотчас из Козельца отправился к сопернику Самки, нежинскому полковнику Золотаренке, и из Нежина послал в Москву донесение от 22 апреля, что Самко обманул его и полковников, заставил их угрозою смерти избрать себя в гетманы и что он, Мефодий, желая только спасти их, особенно верного слугу государева Золотаренку, согласился привести избранного гетмана к присяге. Самко с своей стороны написал в Москву от 14 мая, что при избрании его никакого обмана и насилия не было, что и епископ и полковники действовали совершенно свободно, резко нападал на Золотаренку и намеками на самого епископа. Из Москвы пришел ответ, чтобы Самко оставался только наказным гетманом и жил в единодушном согласии с епископом Мефодием, а для избрания гетмана на полной раде посылается из Белгорода окольничий и воевода князь Ромодановский. Огорченный Самко вновь написал государю (от 30 мая), горько жаловался не только на Золотаренку, но и на Мефодия и просил, чтобы на будущей раде епископ ни во что не вступался, а чрез несколько дней отправил в Москву своих посланцев и поручил им известить государя, что "место митрополитское Киевское за нерадением епископа без пастыря стоит два

месяца" (Мефодий все еще проживал в Нежине), и бить челом, чтобы блюстителем Киевской митрополии государь изволил назначить или архимандрита Иннокентия Гизеля, или епископа Лазаря Барановича, или еще кого-либо из епископов, или игумена, только не отца Мефодия, потому что он "смуту учинил и войском его не любят". Просьбы и жалобы Самко оставлены без внимания. Зато, когда князь Ромодановский в июне месяце разослал приглашения, чтобы собрались в Зеньков на раду для избрания гетмана, то прибыли туда лишь епископ Мефодий и полковник Золотаренко, а прочие полковники не явились, ссылаясь на военные обстоятельства. Съехавшиеся в Зеньков решили отложить раду до другого времени, и Мефодий не поехал уже в Нежин к полковнику Золотаренке, а остался жить в Зенькове. В сентябре сделаны были окольнічим новые приглашения собраться на раду в Полтаву, и опять полковники с своими казаками не явились, указывая преимущественно на неудобность места, назначенного для съезда. И Мефодий, уведомляя об этом государя, писал: "Сентября по 17-й день по твоему, великого государя, указу в Зенькове с окольнічим князем Григорием Григорьевичем живот свой мучу, ожидаючи рады" (значит, он жил там не по своей прихоти, а по воле государя) - и далее просил, чтобы государь велел окольнічему сноситься не с наказным атаманом Самком по делу о раде, а с кошевым гетманом Брюховецким, недавно прибывшим с своими запорожскими казаками к Полтаве. Но и теперь, когда государь дал такое повеление, дело не состоялось. Октября 30-го в Москве получены были известия от Брюховецкого и от епископа Мефодия, что на новую раду, которая назначена была в Гадяче, съехались только несколько полковников, а ни Самко, ни полковник Золотаренко не захотели прийти и разными обольщениями увлекли других за собою, потому собравшиеся на съезд единогласно приговорили, чтобы окольнічий князь Ромодановский с своими ратными людьми возвратился в Белгород, а Брюховецкий с своими казаками стоял в Гадяче до указа государя. Сам епископ Мефодий остался также в Гадяче при Брюховецком. К концу 1662 г. отправлен был из Москвы в Малороссию стольник Ладыженский, который 13 генваря следующего года, прибыв в Гадяч, объявил Мефодию и Брюховецкому, что раду государь велел отложить до весны, а епископу приказал возвратиться в Киев впредь до новой рады. Но Мефодий отвечал: "В Киев я никак ныне не смею ехать, потому что наказный гетман Самко государю не прочит, хочет изменить, а меня велит погубить. Гадяч город моей епископии - государь пожаловал бы до полной рады велел мне жить в Гадяче". Поехал Ладыженский и в Переяслав (22 генваря) к наказному гетману Самке, и Самко в беседах с ним с крайнею горечью говорил против Мефодия: "Меня на козельской раде избрали в совершенные гетманы, а государь меня не пожаловал не утвердил, все это замутил епископ Мефодий... Прежде у нас от веку не бывало, чтобы епископу гетмана избирать: знает епископ одну Церковь. А такой баламут, как Мефодий, и в епископы не годится. Государь пожаловал бы нас велел Мефодия вывести из Киева и из черкасских городов, а если его не выведут и быть ему на раде, мы на раду не поедем... Сначала он сложился с Василием Золотаренком, а теперь сложился с Брюховецким, и Брюховецкий по его баламутству называется гетманом". Невозможно ныне судить за неимением данных, кто был прав, кто виноват:

Самко ли или епископ Мефодий, и несправедливо было бы произнести здесь приговор о последнем на основании слов его противника. Но нельзя не заметить, что, назначенный быть блюстителем Киевской митрополии, Мефодий большую часть времени посвящал почти исключительно делам политическим: прожил в Киеве доселе только около осьми месяцев, а потом более года проживал то в Нежине, то в Зенькове, то в Гадяче, который и не хотел теперь оставить. Нельзя также не заметить, что вся эта политическая деятельность Мефодия была неудачна, к огорчению, конечно, и его самого и московского правительства.

Еще более скорби пришлось испытать Мефодию как деятелю церковному. Спустя три месяца после рукоположения его в Москве на одну из епархий Киевской митрополии Киевский митрополит Дионисий Балабан рукоположил (3 августа), пользуясь своим правом, на ту же самую епархию своего епископа, бывшего пред тем архимандритом Лещинского и старшим виленского Свято-Духова монастырей, Иосифа Нелюбовича-Тукальского с оставлением за ним Лещинского монастыря. И это должно было служить постоянным свидетельством для всех и для самого Мефодия, что он рукоположен и называется Мстиславским незаконно. С наступлением 1662 г., в неделю православия, патриарх Никон изрек анафему на Крутицкого митрополита Питирима, между прочим, за то, что он поставил Мефодия епископом в чужую церковную область, подведомую Цареградскому патриарху. И эта анафема на рукополагавшего митрополита падала вместе по канонам на рукоположенного им, подвергая обоих низложению. Но если анафеме Никона, как уже отрекшегося от своей патриаршей кафедры, в Москве не придавали значения, то нельзя уже было не придавать значения и силы другой анафеме, разразившейся прямо над Мефодием в том же году. Что вызвало эту новую анафему и какое она произвела действие, довольно подробно объяснил сам Мефодий. В январе 1663 г. он написал к царю Алексею Михайловичу: "Извещаю, что митрополит Балабан с изменником Юраской Хмельницким хотят до конца отвратить от тебя, великого государя, как духовный, так и мирской чин Малой России. Посылали они к святейшему патриарху Цареградскому трехтемировского игумена Краковецкого со многими дарами, клеветца на меня, твоего богомольца, и прося проклятия на меня и на всех, сообщающихся со мною. А клевету взвели на меня ту, будто я изгнал от престола митрополита Балабана и насильством, при помощи мирской власти восхитил престол Киевской митрополии. И по их просьбе святейший патриарх Цареградский выдал страшное проклятие на меня и на сообщающихся со мною. Копию с того проклятия Балабан прислал в Киев с выдубицким игуменом Клементием Старушичем, и в Киеве много произошло смущения от того проклятия между духовными и светскими; оно причиняет скорбь не мне только, но и всей твоей державе. Нисколько не расследовав, святейший патриарх произнес суд и проклятие по просьбе клеветников, между тем как митрополит Балабан, никем не изгоняемый, сам добровольно убежал от своего престола, благословил твоих подданных поднять руки на самого государя, навел басурман на православных христиан и сделался виновником многого междоусобия и кровопролития. Но да не продолжится навсегда смущение людей Божиих, духовных и мирских, в твоей державе - в Малой

России; умилосердись, великий государь, изволь послать к святейшему патриарху Цареградскому, чтобы он очистил нас от проклятия, а обратил бы его на тех, которые ненавидят добро, нещадно проливают христианскую кровь и, будучи твоими подданными, забыв твои милости к себе, стали твоими великими врагами и изменниками. Балабан при своем избрании обещался нам желать тебе, великому государю, всякого добра как природному своему царю и проклятием грозил Выговскому в его присяге, утверждая его, чтобы он верно служил тебе, великому государю, а ныне сам сделался достойным того проклятия за свою измену против тебя, великого государя. Снова и со слезами прошу милости у тебя, великого государя, чтобы ты изволил послать к святейшему патриарху, ибо его проклятие весьма оскорбило мою душу". В Москве известие о проклятии Мефодия получено было, вероятно, еще прежде, нежели известил о том сам Мефодий, потому что еще в грамоте своей к Цареградскому патриарху, писанной в конце декабря 1662 г., государь поместил следующее прибавление: "Наконец, извещаем твое преблаженство с мольбою о Мефодии, епископе святой твоей паствы Белой России, который прошедшего года поставлен был в Москве от нашего Крутицкого митрополита по нашему соизволению благословением всего освященного Собора и советом нашего царского синклита. Думаем, что вы немало негодуете на нас за это. Но, преблаженнейший, отнюдь не из презрения к твоему святительству, не по насильству и не для нарушения св. правил, запрещающих епископам рукополагать кого-либо не в своем пределе, мы поступили так - да не будет. Объявляем тебе поистине, что ради благословной и неотложной причины, не успев написать к преблаженству Вашему о благословении, мы понудили рукоположить этого епископа. Вы слышали и прежде, что подданные наши казаки, называемые черкасами, живущие в городах Малой и Белой России, поползновенны и удобопреклонны к иноземному ярму; ныне же особенно узнали мы их удобопреклонность к соседним им папистам. Ибо отвергшийся нас и изменивший нам паствы твоей митрополит Киевский, и Галицкий, и всея Малыя и Белья России Дионисий Балабан, отшедший к нашему неприятелю, польскому королю, по приказанию его приходил к ним и убедил многих из них быть под его рукою и соединиться с папистами. И как они уже готовы были отпасть, то мы убоялись, да не погибнут душами своими, болезненно попеклись о спасении их и, усмотрев сего мужа Мефодия, тамошнего же уроженца, могущего направить их на истину, понудили рукоположить его, да не увязнут в дьявольские сети и живы будут. Мы сотворили так не по преобладанию, но ради икономии, или строительства, спасения, а где бывает что-либо ради икономии спасения, как знаете и Ваше преблаженство, там по нужде допускается и прменение закона. Мы рассудили меньшим пожертвовать большему, ибо лучше нарушить правило, запрещающее епископу рукополагать в чужом пределе, но спасти в целости многие души в том пределе, нежели соблюсти правило, но допустить, чтобы те души впали в погибель. Если бы укоснили временем, послав предварительно к Вам спросить об этом, то весьма удобно они могли бы отпасть. Впрочем, предоставляем Вашему благоразумию рассудить, правильно ли мы поступили, и если нет, то просим прощения и в разуме наставления". Грамота была отправлена к патриарху 1 января 1663 г., и когда в

продолжение четырех почти месяцев ответа на нее не было получено, то Паисий Лигарид, обыкновенно составлявший все такого рода грамоты, спрашивал в своей докладной записке от 24 апреля государя: "Должен ли есмь писать и повторить патриарху Вселенскому о деле патриарха Никона или точию писать о деле епископа Мефодия". Явно, что о Мефодии и о прощении его патриархом велено было приготовить новую грамоту. И надобно полагать, что патриарх Цареградский по ходатайству государя снял проклятие с епископа Мефодия, потому что киевское духовенство, которое теперь, по получении патриаршей грамоты о проклятии Мефодия, чуждалось его и даже враждовало против него, чрез несколько времени, как увидим, снова вошло с ним в сношение и признавало его епископом.

А теперь оно действительно настроено было по отношению к Мефодию весьма неприязненно и резко выразило эту свою неприязнь при первом открывшемся случае. В мае 1663 г., 10-го числа, скончался в Корсуне митрополит Дионисий Балабан, а около половины мая прибыл в Малороссию новый уполномоченный от государя, окольный князь Великого-Гагин, с товарищи и разослал приглашения собраться в Нежин на генеральную раду для избрания гетмана. Получив известие о времени этой рады, главные представители киевского духовенства, печерский архимандрит Иннокентий Гизель, игумены: николаопустынский Алексей Тур, михайловский Феодосий Сафонович, межигорский Варнава Лебедевич, кирилловский Мелетий Дзик и ректор братских школ Иоанникий Голятовский - написали послание к наказному гетману Самку и к старшине запорожского войска и, высказывая им свои благословения и благожелания, чтобы "рада принесла все доброе как запорожскому войску, так и Церкви Божией", слезно просили их вместе с панами полковниками, сотниками, есаулами, атаманами и всем знатным рыцарством позаботиться на раде не о своих только вольностях, но и о вольностях духовных, особенно же о том, чтобы теперь, когда по смерти митрополита Дионисия Церковь осиротела, дан был ей впредь до избрания нового митрополита достойный блюститель митрополии. "А если бы, - продолжали настоятели киевских монастырей, - отец Мефодий захотел пред вами присваивать себе на дальнейшее время блюстительство митрополитской кафедры, в таком случае усердно просим не допускать ему того, потому что мы не хотим иметь его за блюстителя по следующим причинам: а) отец Мефодий находится под проклятием как патриарха Константинопольского, так и Московского за то, что вмешался незаконно в чужую диоцезию, а от таких каноны св. отец не только запрещают духовным и мирским людям принимать благословение, но повелевают устраняться даже в пище и питии; б) он посвящен на епископство без всякой елкции (какая бывала в епархиях Киевской митрополии); в) он только по своему желанию, не имея никаких заслуг пред Церковию, выпросил себе блюстительство... вопреки канонам и нас всех фальшиво привел в подозрение у его царского величества. Для лучшего уразумения клятвы, положенной на него Константинопольским патриархом, посылаем вам с нее копию. Если отец Мефодий хочет быть блюстителем, то пусть покажет вам хоть какое-нибудь разрешение от этого проклятия; мы же отнюдь не желаем его блюстительства и не соизволяем на то. Если он и вам показал себя не пастырем,

то тем более нам. Мы принимали его по грамоте нашего милостивого государя за блюстителя, ожидая от него, что он будет нам отцом; он же вместо отца явился нам великим неприятелем и вместо блюстителя - губителем. Между вами он произвел такое раздвоение и замешательство, что вовсе неприлично его званию и сану... Посылаем к вам от себя двух игуменов, выдубицкого Клементия Старушича и мгарского Виктора Загорского, для устных объяснений с вами, чтобы на генеральной раде не было допущено блюстительство отца Мефодия, и просим вас писать к его царскому величеству, да даст нам в блюстители отца епископа Черниговского, к тому пригодного и много заслуженного пред св. Церковию, которого отец Мефодий сместил с кафедры". В то же время настоятели киевских монастырей написали и к самому Лазарю Барановичу, просили его выслать на генеральную раду своего наместника для совокупного действия с игуменами выдубицким и мгарским против Мефодия и затем просили, "уважая его (Барановича) славные заслуги для Церкви Божией, чтобы он как прежде, так и теперь, если последует соизволение царского величества, благоволил своею личностью украсить осиротелую митрополитскую кафедру, пока будет избран новый митрополит". А наказной гетман Самко от себя письменно просил Лазаря Барановича даже лично пожаловать на нежинскую раду, чтобы благословить ее и утвердить. Осторожный и благоразумный Баранович хотя послал на раду своего наместника Иеремию Ширкеевича, но сам поехать не захотел, а от принятия на себя блюстительства митрополии решительно отказался. "И слабость моя непритворная, - писал он, - возбраняет мне то, и двукратное блюстительство, недостойно мною отправленное, страшит меня, как бы не дать за то Господу ответа, да к тому же блюстительство это я должен был бы отправлять из коштов моей убогой епископии, а не из митрополитских имений, лежащих на той стороне Днепра". Баранович с своей стороны предлагал и просил ходатайствовать пред государем о позволении избрать поскорее совершенного митрополита. Впрочем, напрасны были все эти хлопоты и переписка киевского духовенства и наказного атамана, направленные против епископа Мефодия. Распорядителем генеральной рады был царский посланник князь Великого-Гагин, и он прежде всего пригласил на раду епископа Мефодия. И на раде вовсе не поднималось вопросов о церковных делах, о блюстительстве митрополии и не делалось никаких заявлений против Мефодия. А в гетманы на раде был избран не Самко, как надеялись он сам и его приверженцы, но Брюховецкий, которому покровительствовал Мефодий и которого привел потом к присяге на верность государю. Самко же и Золотаренко, совместники Брюховецкого, выданы были по просьбе последнего на войсковой суд и казнены смертью как изменники с несколькими другими лицами.

Пять с половиною лет управлял Киевской митрополией Дионисий Балабан. И если он только около полугода оставался на своей кафедре в Киеве, а потом удалился во владения Польши и как бы изменил московскому правительству, то это с самого избрания Дионисия на Киевскую кафедру надлежало предвидеть. Он был подданный польского короля, которому, естественно, и старался служить: большая часть митрополии Дионисия, до четырех епархий, лежала в пределах Польши, все его митрополитские владения находились там же. И не

один Дионисий содействовал гетману Выговскому вновь перейти с своими казаками на сторону Польши, то же известно о Львовском епископе Арсении Желиборском, заслужившем своею преданностию признательность короля . Впрочем, и удалившись в начале июля 1658 г. из Киева и Малороссии, бывшей под властью московского государя, Дионисий на первых порах не оставлял ее без своего духовного управления, пока не был назначен сюда особый блюститель митрополии. В ноябре того же 1658 г. Дионисий издал (от 20-го числа) следующую грамоту, свидетельствующую вместе о его расположенности к Черниговскому епископу Лазарю Барановичу: "Извещаем всем вообще и каждому особо, что, принимая во внимание бедность Черниговской епископской кафедры и также важные заслуги отца Лазаря Барановича, мы предписываем, чтобы протопопии, издавна należащие к нашей митрополитской кафедре, - черниговская, минская, борзенская, глуховская, конотопская, новгородская и стародубская, от сего часу подчинялись отцу епископу Черниговскому как своему пастырю и доходы, куничные или столовые, соответственно древнему обычаю отдавали, а дьяки всех названных протопопий рукоположение и благословение на иерейство брали чрез его милость епископа Черниговского и во всем ему были послушны". Из других действий митрополита Дионисия мы знаем очень немного. Вероятно, еще в 1658 г. он подтвердил своею грамотою все права и привилегии, данные прежде Цареградскими патриархами Луцкому братству, в которое и сам незадолго пред тем вписался. В 1659 г. пожаловал свою благословенную грамоту Яблочинскому монастырю (ныне в Бельском уезде Седлецкой губернии), свидетельствуя в ней, что монастырь этот основан еще в XV в. знатными вельможами Богушами, и в том же году, посетив Почаевский монастырь вместе с овручским архимандритом Феофаном, открыл в нем мощи преподобного Иова

Железа (1651) после предварительного исследования его жизни и деяний. В 1662 г., когда несчастный гетман-юноша Юрий Хмельницкий отрекся от гетманства и передал гетманскую булаву Павлу Тетере, Дионисий в Корсунском монастыре постриг этого юношу в монахи, переименовав его из Георгия в Гедсона. В Киеве и Малороссии не переставали смотреть на Дионисия как на своего митрополита до самой его кончины, хотя и имели своего блюстителя митрополии. Епископ Лазарь, получив первое известие о смерти Дионисия от наказного гетмана Самки, отвечал: "Помилуй, Боже! В такие трудные времена, когда нам наиболее нужны богомольцы, чтобы отвращать праведный гнев, мы лишились столь благочестивого пастыря. Нужно нам молиться, чтобы Бог всякие утхи утешил Церковь Свою и не оставил овец без пастыря". А в ответе Иннокентию Гизелю, который с великою скорбью извещал о кончине Дионисия, Баранович выражался: "Вечная память усопшему о Господе! Усерднейше желаю Вашей пречестности видеть на себе опыты утешений Божиих". Сам Баранович составил скончавшемуся митрополиту и эпитафию.

В письме своем от 10 июня 1663 г. к наказному гетману и всему запорожскому войску Баранович, как мы уже упоминали, отказываясь от блюстительства митрополии, которое ему предлагали, просил ходатайствовать пред великим государем, чтобы дозволил избрать действительного митрополита на Киевскую

кафедру. Просьба Барановича осталась неисполненной. Между тем православные других епархий Киевской митрополии, не находившихся под властью Москвы, хотя и не так скоро, позаботились об избрании для себя митрополита. Первое собрание их духовенства и представителей от мирян происходило 9 ноября в городе Корсуне. Но собравшиеся разделились на две партии: одна из них избрала Иосифа Нелюбовича-Тукальского, епископа Мстиславского, который назывался также епископом Белорусским, наместником митрополии Киевской, архимандритом лещинским и старшим монастырей виленского Свято-Духова, пинского Богоявленского и иных; другая же избрала Антония Винницкого, епископа Перемышльского и Самборского. Вследствие такого разногласия назначено было на 19 ноября новое собрание, на которое кроме епископов - Луцкого Гедеона Четвертинского, именовавшегося прототроном, Перемышльского Антония Винницкого и Львовского Афанасия Желиборского (недавно избранного на место родного брата его, епископа Арсения, скончавшегося 18 сентября 1662 г.) прибыл и сам гетман правой стороны Днепра Павел Тетеря. Но и на этот раз согласия между избирателями не установилось. Одни, в том числе епископы и гетман, избрали Антония Винницкого, а другие - Иосифа Нелюбовича-Тукальского. Огорченные епископы в тот же день обнародовали протестацию, в которой объявляли, что Антоний Винницкий избран на митрополию единогласно всеми и торжественно, а Иосифа Тукальского избрал только слущкий архимандрит Феодосий Василевич с несколькими духовными и светскими лицами, и избрал приватно, почему последнее избрание ничтожно и Тукальского нельзя признавать за избранного кандидата на митрополитскую кафедру. Несмотря, однако ж, на эту протестацию, обе стороны представили своих кандидатов на утверждение короля. И король Ян Казимир грамотою от 24 ноября утвердил на митрополитской кафедре Антония Винницкого и вслед за тем, если даже не прежде, утвердил такую грамотою и на той же кафедре Иосифа Нелюбовича-Тукальского с оставлением за ним и Лещинского монастыря. По крайней мере об утверждении последнего, верно, дано было знать от имени короля гетману Тетере, потому что Тетеря, хотя сам стоял при избрании за Антония Винницкого, издал универсал, которым объявлял, что на митрополии утвержден епископ Мстиславский Иосиф Тукальский и что ему должно оказывать послушание. Местом для своего пребывания Иосиф избрал, вероятно, Корсунь, где скончался его предместник, или Чигирин, где жил гетман. Но едва прошло несколько месяцев со времени избрания Иосифа на митрополию, как его постигло великое несчастье. Его обвиняли в том, будто он вместе с бывшим гетманом Выговским, который назывался теперь воеводою киевским, замышлял вытеснить поляков из Малороссии по правую сторону Днепра и возвратить ее московскому государю, а вместе с бывшим гетманом Юрием Хмельницким, теперь иноком Гедеоном, возбуждал казаков против гетмана Тетери. Выговский был взят в плен польским полковником Маховским и в марте 1664 г. расстрелян в Корсуне как изменник. А митрополит Иосиф и инок Гедеон Хмельницкий по жалобе на них гетмана Тетери королю, который проезжал тою же весною из-за Днестра через Корсунь, были схвачены и отвезены в Варшаву и оттуда в крепость Мариенбург, где и томились в заключении около двух лет. В

продолжение этого времени Антоний Винницкий не вступал в управление митрополии, но жил постоянно в своей Перемышльской епархии и вел борьбу с местным униатским епископом; администратором же Киевской митрополии почему-то назывался епископ Львовский Афанасий Желиборский. В апреле 1665 г., 28-го числа, гетман Тетеря писал к канцлеру коронному и к самому королю, чтобы Антонию Винницкому позволено было вступить на митрополию, но не имел успеха. В следующем году, 28 июля, новый гетман Петр Дорошенко писал к королю, что желал бы принять Винницкого на митрополию, но не может, пока он не избран будет всеми, и просил позволения произвести по обычаю елекцию в Белой Церкви. Но скоро возвратился из своего заточения Иосиф Тукальский и, несмотря на все ходатайства за Винницкого и на все домогательства его самого, оставался Киевским митрополитом еще много лет.

Малороссийское духовенство левой стороны Днепра с своею паствою вовсе не участвовало в избрании митрополита Киевского Иосифа Тукальского, а оставалось по-прежнему под властью блюстителя митрополии епископа Мефодия, который после избрания гетмана Брюховецкого на нежинской раде возвратился наконец в Киев. С этого времени Мефодий имел более возможности заняться церковными делами, и действительно занялся. Один из киевских иноков, живший при Софийском соборе, в письме своем к царю от 12 октября 1663 г., прося у него милостыни на этот собор, выражался: "Церковь св. Софии до первой своей красоты, даст Бог, придет. Верим, не умер Могила, смею я то говорить: как его милость (еп. Мефодий) при престоле митрополитском остовает, зачал, яко покойник Могила, починять церковь побожне. Имею я надежду к Богу, что его милость совершит счастливое". С своей стороны и киевское духовенство, так резко нападавшее на Мефодия, особенно вследствие патриаршей на него анафемы, начало мало-помалу сближаться с ним, и имя Мефодия как блюстителя митрополии вновь стали поминать в киевских церквах и монастырях, что, разумеется, могло последовать не прежде, как получено было из Царьграда известие о снятии с Мефодия патриаршей клятвы. Между тем новый гетман Брюховецкий, столько одолженный Мефодию, скоро оказался неприязненным как к Мефодию, так и к подведомому ему духовенству. Еще 18-го числа 1663 г. Брюховецкий, приехав в полночь с несколькими старшинами к гадячскому воеводе Хлопову, говорил ему наедине, тайно относительно Мефодия и киевских монахов следующее: "В городе Киеве творится что-то очень недоброе от умысла злых людей: король идет к Киеву по приглашению киевских жителей. А вся злая беда началась от старицы Ангелины, которая учит в Киеве дочь епископа (Мефодия) грамоте. Старица та, какие ни услышит вести от епископовой дочери, про все передает ведомость в Польшу к панке (жене) Тетере. Кажется, что у епископа есть прозябь большая и неверность в раденье к великому государю. Потому я имею подозрение на епископа, что после рады (нежинской) в Киеве заключен был нежинский атаман Шмотович, и старцы (печерские) взяли его себе на поруки, и тот атаман будто ушел, а его-де отпустили старцы нарочно умыслом и велели ему, Шмотовичу, собрав казаков и татар, приходить на государевы черкасские города. Я посылал по тех старцев, и епископ не прислал их ко мне, а взял с них золотые червонные. Страшусь, чтобы епископ своим злым умыслом не учинил

чего-либо над Киевом и королю города не сдал". Эти слова тогда же были переданы Хлоповым московским дьякам Башмакову и Флорову, находившимся в Малороссии по поручению государя, а ими потом сообщены самому государю. В следующем 1664 г. сам Мефодий должен был сознаться в нерасположенности к нему Брюховецкого и писал в Москву, "чтобы великий государь не во всем полагался на гетмана, ни в чем меня гетман не слушает". В своей неприязни к духовенству, особенно монашествующему, Брюховецкий позволял казакам грабить и разорять церковные имения и на все жалобы духовных властей не обращал никакого внимания, так что духовенство стало считать гетмана врагом Церкви и в монастырях прекратило о нем молитвы. А в феврале 1665 г. он прямо доносил государю, что печерские чернецы замышляют измену и хотят впустить в свой монастырь поляков.

Не довольствуясь всем этим, гетман в мае 1665 г., отправляя в Москву полковника Лазаря Горленко, между прочим, поручал ему: "Просить о прислании из Москвы на митрополию Киевскую русской власти, чтобы духовный чин киевский не шатался к ляхским митрополитам и чтобы Малая Русь, услышав о прислании на митрополию русского строителя, утверждалась и укреплялась под высокою рукою его царского величества и духовный чин, оставив двоедушие, не удалялся из послушания святейшим патриархам Московским". В сентябре, 11-го числа, гетман Брюховецкий и сам прибыл в Москву с великою свитою, и в одной из статей, какие подал он здесь на бумаге о своих нуждах, он почти буквально повторил то же самое, о чем прежде ходатайствовал чрез полковника Горленко. В статье этой под заглавием "О митрополите на Киев" говорилось: "В Киев на митрополию был бы послан по указу государеву русский святитель из Москвы для того, чтобы духовный чин, оглядываясь на митрополитов, находящихся под рукою короля, не был вреден по шатости запорожскому войску. Ибо в статьях переяславских и батуриных (т. е. данных еще при Богдане Хмельницком, но потом читанных и принятых казаками в Переяславе и Батурине) постановлено, чтобы митрополиту Киевскому быть под послушанием патриарха Московского. Потому гетман с войском для лучшей крепости и утверждения всего народа бьет челом о прислании в Киев святителя русского". В ответ на эту статью челобитной в царском указе было написано: "Сказать гетману, что великий государь начнет о том списываться с Цареградским патриархом, и, если патриарх напишет о том великому государю и благословение о митрополите в Киев подаст, тогда будет о том и указ великого государя". Когда Брюховецкий возвратился из Москвы в начале 1666 г. и возвратившийся с ним полковник киевский Василий Дворецкий сообщил киевским духовным властям копию статей, какие подавал там гетман, то епископ Мефодий и настоятели киевских монастырей, прочитав эти статьи, были крайне огорчены: они увидели явное посягательство на их давние права. Почему немедленно обратились к Брюховецкому и, указывая на то, что прежде избрание на Киевскую митрополию всегда происходило с ведома гетманского, просили гетмана отписать великому государю, чтобы им избрать в Киев митрополита между собою из малороссийских городов по прежним обычаям и правам. Брюховецкий от 10 февраля отвечал: "Всеу христианскому миру известно, что митрополитское место в Киеве пустоет за войнами много лет, и

оттого всем нам великое неустройство. Недавно в Корсуне некоторые духовные, кроме киевских, избрали себе Собором митрополита Тукальского, но пристойно и лучше быть на Киевской митрополии человеку, подданному православному монарху, нежели подданному польского короля. Вы вздумали теперь поискать, чтобы место митрополии Киевской не оставалось пустым: радуюсь и желаю успеха. Но только когда я был в Москве, то нам припомнили статьи гетмана Богдана Хмельницкого, а там положено, чтобы в Киев был прислан митрополит от святейшего патриарха Московского. Тогда и мы со всем товариществом, бывшим с нами в Москве, на том руки свои приложили, что государь пошлет своих посланников к святейшим патриархам просить на то благословения... Возвращения тех посланников всем нам и следует ожидать, а права и стародавние вольности духовных и мирских людей государевым милосердием подтверждены и не будут нарушены". Ответ гетмана еще более раздражил духовных. И 22 февраля епископ Мефодий и настоятели киевских монастырей отправились к боярину и воеводе Шереметеву с товарищи и просили о позволении послать от себя в Москву челобитчика, чтобы государь не велел отнимать у них вольностей и прав. Шереметев отвечал, что государь вовсе не отнимал у них никаких прав и вольностей. Но духовные говорили: "Гетман прислал нам лист, что государь указал быть в Киеве московскому митрополиту, а не по стародавним правам и вольностям, не по нашему избранию; мы под благословением Цареградского патриарха, а не Московского, и если быть у нас московскому митрополиту, то права наши будут нарушены". Затем духовные продолжали с большею яростию: "Если по изволению государя будет у нас московский митрополит, а не по нашему избранию, то пусть государь велит скорее всех нас казнить, нежели мы на то согласимся. Как только приедет в Киев московский митрополит, мы запремся в монастырях, и разве за шею и за ноги выволокут нас оттуда, тогда и будет московский митрополит в Киеве. В Смоленске ныне архиепископ Филарет, и он все права у духовенства отнял, всех называет иноверцами, а они православные христиане. Так же будет называть и московский митрополит в Киеве всех жителей Киева и Малороссии. Лучше нам принять смерть, нежели быть у нас в Киеве московскому митрополиту". Шереметев старался успокоить разгорячившихся и, между прочим, сказал: "Государь положил все дело на рассуждение Вселенского патриарха, как он о том отпишет; если отпишет и подаст благословение на избранного вами, то государь соизволит, чтобы избранный вами на митрополию Киевскую был поставлен в Москве всеми духовными властями". Тогда епископ Мефодий и настоятели монастырей отвечали: "Если государю угодно быть нам под благословением Московского патриарха, то пусть напишет о том Вселенскому патриарху; только бы митрополиту Киевскому быть по нашему избранию, чтобы у нас стародавние права не были нарушены". На другой день Мефодий, увидевшись с боярином Шереметевым в Софийском соборе, просил прощения: "Вчера я говорил, что если будет к нам московский митрополит, то мы запремся в монастырях, - те слова я говорил поневоле; сам я поставлен епископом от московского митрополита, и малороссийские духовные все поносят меня и думают, будто я по совещанию с гетманом сделал то, чтобы быть им под благословением Московского патриарха". После объяснений с царскими

воеводами киевские духовные не успокоились; вражда их против гетмана не унималась, и об этой вражде извещал государя (26 февраля) боярин и воевода Шереметев. А Брюховецкий с своей стороны писал от 20 марта государю против духовенства и доносил, что епископ Мефодий женил своего сына на Дубяговне, у которой два родные брата служат при польском короле. Не оставляли киевские духовные власти и своего намерения ударить челом государю, чтобы дозволил им избрать между собою кого-либо на Киевскую митрополию; с этою целию в марте или апреле власти отправили в Москву кирилловского игумена Мелетия Донка. Из Москвы был прислан в Малороссию дьяк Флоров, которому, между прочим, поручено было примирить враждующих. Но при первом же свидании с ним (1 мая) Шереметев сказал, что "с гетманом у епископа ссора великая, да и впредь-де между ними совету не чаёт" и что он, боярин, опасается, как бы к епископу и ко всему духовенству в их вражде на гетмана не пристали мещане всех городов и оттого не учинилось бы какой-либо порухи делу государеву. Спустя один день Флоров мог лично убедиться в справедливости слов Шереметева. В Киевской лавре 3 мая по случаю памяти преподобного Феодосия Печерского был праздник и трапеза. После трапезы почетные гости зашли в кельи отца архимандрита и здесь вслед за тостами за здоровье бояр и окольных дьяк Флоров предложил тост за боярина и гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкого. Но епископ Мефодий и все духовенство за здоровье гетмана не стали пить и говорили, что он им злодей и недоброхот и, находясь в Москве, просил о присылке в Киев московского митрополита, выставляя нас тем пред великим государем как бы неверными. В частности, Мефодий утверждал, что гетман им ненадобен, и открыто говорил про него нечестные слова. А Иннокентий Гизель жаловался, что гетман попускает своим казакам разорять маестности Печерского монастыря и разоренье то пуще неприятельского. К концу мая Флоров возвратился в Москву и дал отчет, что видел и слышал и как исполнил поручение.

Но в Москве было тогда не до разбирательства ссоры между киевским духовенством и гетманом. Там заняты были действиями Собора отечественных иерархов, производившего суд над виновниками появившегося в Церкви раскола, а еще более ожиданиями и церемонными встречами Восточных патриархов, ехавших в Москву на новый, большой Собор для суда над патриархом Никоном и для устройства вообще церковных дел в России. Посланы были указы явиться на этот последний Собор и к блюстителю Киевской митрополии Мстиславскому епископу Мефодию, и к Черниговскому епископу Лазарю Барановичу. В первых числах августа они уже туда отправились.